

С. В. Голикова

ПОРЕФОРМЕННАЯ УРАЛЬСКАЯ ОБЩИНА: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сельское самоуправление в пореформенный период представляло из себя двухъярусное образование, включавшее «волость» (волостную общину) и «сельское общество» (сельскую общину). В зависимости от соотношения границ общины и селения, организации сельского самоуправления делились на три группы: простые общины (при совпадении границ, обычно в населенных пунктах с 500 жителей), составные и раздельные (с населением более 500 человек). Как правило, волость состояла из нескольких сельских обществ. В 1894 г. в 307 волостях Вятской губернии насчитывалось 2 808 сельских обществ, в Пермской губернии на 482 волости их приходилось 3144, в Оренбургской — на 135 волостей было 1 195, а в Уфимской — на 177 волостей — 2 016 сельских обществ¹. Сельское общество имело право перейти из одной волости в другую. В 1893 г. крестьяне Косареvского сельского общества хотели отделиться от Фоминской волости Ирбитского уезда и присоединиться к Волковской волости этого же уезда². Появление новой сельской или волостной общины происходило путем раздела старых административных образований. Инициатива «снизу» об образовании нового «общества» подлежала утверждению властей. Легче было добиться их положительного решения об учреждении сельского общества. В 1894 г. жители села Ново-Симбирского Орского уезда «стали просить об образовании сельского общества, что и было в том же году удовлетворено³. Динамика численности волостей за 1890–1894 гг. свидетельствует, что они возникали не так часто. За этот период в Пермской губернии не прибавилось ни одной волости, в Вятской и Оренбургской стало на одну волость больше, в Уфимской прибавилось две волости⁴. Интенсивное административное строительство происходило в южных районах края, где продолжались колонизационные процессы. Так, село Слоновка Оренбургского уезда стало административным центром волости с 1860 г. В 1896 г. в селе Павловке того же уезда, ранее «причисленном» к Покровской волости, было открыто волостное правление⁵. Процесс раздела волостей обычно затягивался на несколько лет. Когда в 1894 г. крестьяне Фоминской волости Ирбитского

уезда заговорили о выделении из ее состава новой — Гаевской волости, администрация потребовала от них следующие «бумаги»: список сельских обществ и селений «предполагаемых» волостей, список «селений, входящих в состав существующих хлебозапасных магазинов», сведения о волостных мирских сборах за последние 5 лет, сведения о денежных мирских сборах по каждому селению, сведения, «во что обойдется содержание проектируемого Гаевского волостного управления», сведения о том, «сколько собирается волостных мирских сборов и сколько будет собираться таковых с проектированным отделением Гаевской волости», к какому приходу принадлежат селения Фоминской волости, проект «расчета денежным мирским капиталам, находящимся в обращении Фоминского волостного правления, произведенного на случай разделения», сведения о заемщиках вспомогательной кассы». Через два года жителям было объявлено решение об образовании с 1 января 1897 г. новой Гаевской волости. Однако, как оказалось, этот срок не устроил жителей. «Принимая во внимание, — записали они в книге решений волостного схода, — что разрешение на открытие... получено почти накануне нового года, ходатайствовать, где следовать будет через нашего господина земского начальника... об отсрочке открытия до 1 января 1898 г.»⁶.

Религиозная функция сельского самоуправления получила организационное оформление в виде так называемой приходской общины. В отличие от сельских и волостных обществ, входивших в состав губернии, приходы как религиозные учреждения подчинялись епархии, и приходская сеть развивалась по церковным законам, в результате границы тех и других не совпадали. Это обычное для Урала явление начальник шестого участка Нолинского уезда Вятской губернии описал следующим образом: «Деление это находится в полном несоответствии с административным делением крестьян не только на общества и волости, но и на уезды... Все волости и многие сельские общества раздроблены и составляют собою части разных приходов. Некоторые селения волостей Большеситминской и Александровской, числом в первой 16, а во второй 4, приходом состоят в село Атары Уржумского уезда; точно так же есть деревни Буйской и Чертищевской волостей, отнесенные приходами к селам Орловского уезда, и наоборот, как в состав прихода села Татауровского, так и во вновь образованное, в пределах Чертищевской волости, село Опаринское вошло несколько починков Воскресенской волости Орловского уезда»⁷.

На колонизируемой русскими территории Оренбургской губернии в пореформенный период происходило особенно бурное приходское строительство. Центром прихода вновь основанное селение становилось не сразу, первоначально получая приписку к уже имеющимся. Так, село Сенцовка Оренбургского уезда до 1866 г. входило в состав Казанского прихода, с 1866 по 1889 г. — Романовского, а в 1890 г. в нем был открыт

самостоятельный приход⁸. Новый приход постепенно увеличивал свою территорию. Открытый в 1861 г. Павловский приход до 1874 г. состоял только из села Павловки Оренбургского уезда. Затем к нему была причислена «за близость расстояния» деревня Вознесенка и выселок Сергеевский, в 1877 г. сюда же вошла деревня Ключи⁹. Наконец, наступал момент, когда территория прихода переполнялась и он начинал дробиться. Н. Чернавский в 1897 г. писал, что в состав Воздвиженского прихода Оренбургской епархии в прежнее время входили селения Алексеевка, Романовка (Карбалак), Ивановка, Кирсановка и «другие ближайшие к приходу, со всеми принадлежащими к ним деревнями». «В продолжение нескольких последних лет» он состоял из одного села Воздвиженского, а с 1887 г. ему принадлежала «одна наибольшая половина села, составляющая так называемую сельскую часть»¹⁰. Границы приходов оставались весьма подвижны. «По минованию» крепостной зависимости в пределах Гнездовского прихода Оренбургской епархии стали появляться новые хутора: Актенский (Каменский), Саратовский, Свиногорский, Яковлевский, Богословский (1876), Морьевский (1884), Бреховский, Новоивановский. С открытием соседнего прихода в селе Александровском Свиногорский и Яковлевский хутора отошли к нему. В 1899 г. П. Чижев писал, что в последнее время «новокирсановцы просят разрешения епархиального начальства причислиться к приходу в селе Александровка, от которого они состоят в 5 верстах, а от села Гнездовки в 8»¹¹. Именно эта церковная инстанция ведала на своей территории всеми изменениями, происходившими в жизни приходов.

В пореформенный период заговорили об «эрозии» внутриобщинных отношений, которые стали терять свой соседский, товарищеский характер. По мнению современников, это был грозный признак, поскольку вместе с отношениями разрушался мир как организация общинного типа. В результате чего у крестьян пропадало желание поддерживать общественный порядок и стабильность. Во время Первой русской революции сотрудник Пермского земства Д. Бобылев приводил следующее характерное суждение: «В деревне нет людей, которые сколько-нибудь думали бы о пользе общественной, даже хотя бы таких людей, которые, не говоря уже о бескорыстном служении интересам общества, не искали бы по крайней мере удобного случая поживиться за счет общества»¹².

Для укрепления солидарности коллектива самоуправление продолжало использовать такие традиционные способы, как общественные пиршества, общественные работы. Именно «сила общественных инстинктов», по мнению знатока уральского края этнографа Д.К. Зеленина, могла «преодолеть разрушительное влияние новых экономических условий». Сильно развиты были эти инстинкты у вятчан. По сравнению с сарапульцами и пермяками здесь широко использовались работы помочами

и «во всей своей неприкосновенности» сохранились такие общественные пиршества, как братчины, мольбы, никольшины, которые считались здесь богоугодным делом¹³.

В других местностях Урала для консолидации общины использовали другие формы проявления религиозного чувства. Так, автор описания села Саратовки Оренбургского уезда В. Покровский обратил внимание на то, что «саратовцы придают великое значение молитве целым обществом, миром, и такая общественная молитва считается, по их понятиям, особенно приличной и необходимой в случаях смерти одного из членов общины сельской». «Останавливаясь на этом факте вот почему, — продолжал он. — Так называемые разные интеллигентные люди, время от времени посещавшие нашу саратовскую церковь, все без исключения были удивлены подобного рода обстоятельством и недоумевали, зачем это частные лица поминаются целым обществом». Им в это время требовались уже специальные объяснения, что «это совершается самим обществом, по его желанию и понятию, без постороннего влияния»¹⁴.

Реформистская деятельность правительства в 1860-е гг. затронула и самоуправление «инородцев». Продолжая политику унификации общины, российские власти в 1863–1865 гг. отменили кантонное управление в Башкирии. Башкиры, мишари, тептяри и бобыли были переведены «в гражданское ведомство» и как сельские обыватели уравнированы во всех правах с русскими крестьянами. Их правовой статус стал регулироваться Положением о башкирах. 28 кантонов и 393 юрты были разделены на волостные и сельские общества, учреждены сходы, волостные суды. Все общественные должности стали выборными. Башкиры освобождались от военной службы и превращались в податное сословие. Их «непосредственными начальниками» стали мировые посредники, которых впоследствии сменили «башкирские опекуны» — так здесь называли постоянных членов присутствия по крестьянским делам¹⁵.

Законодательное оформление получили результаты начавшегося в первой половине XIX в. процесса преобразования вотчинно-земельных волостей в территориальные. Такой специфический институт, как «башкирская волость», совмещавший функции земельновотчинной общины и административной единицы, ушел «в прошлое». Так, в 1866 г. в Бирском уезде были созданы Кызыльярвовская с центром в деревне Ямады и Татышлинская с центром в деревне Верхние Татышлы. К названию новых волостей иногда прибавляли слово «курпес». Например, в Стерлитамакском уезде появилась Дуван-Курпес-Табынская волость. В некоторых случаях башкиры оказались в составе обычных многонациональных административных волостей¹⁶.

Башкирская община (аймак) продолжала эволюционировать в сторону уменьшения размеров, пока основными ее единицами не стали аул или

аул с выселками. О примерном равенстве территорий административных образований свидетельствует удаленность населенных пунктов от их центров. Деревни Кармаскалинской волости Уфимского уезда располагались от ее центрального поселения одна в 22, вторая в 20 и третья в 15 верстах. Примерно на такое же расстояние (18 верст) были удалены от центра Еремеевской волости Белебеевского уезда деревни Чувашский Суккул и Татарский Суккул. В 15 верстах от деревни Янаул, где располагалось правление одноименной волости, находилась деревня Кызыл-Яр¹⁷.

В ходе внутренней колонизации Башкирии происходило активное образование новых населенных пунктов. В 1866 г. башкиры-вотчинники деревни Старонагаево Бирского уезда «изъявили желание» переселиться на новое место при реке Землянке, где возникло их поселение Кузгово. В версте от деревни Зириково Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии в 1870 г. появился выселок Новозириково (Яны Ерек). Жители деревни Кутлугузино этого же уезда при реке Зиган обосновали селение Новокармышево (Яны Кармыш). Башкиры деревень Бадряш, Карманово, Кызыл-Яр, Урдык Уранской волости Бирского уезда за рекой Буй в конце XIX в. основали поселение Акылбай. На рубеже XIX–XX вв. из деревни Зайтово выделилось Новозайтово. В Бирском уезде в начале XX в. появились населенные пункты Новый Такталачук, Новотатышево и Новоякшиеево. При реке Ошья жители деревень Кисак-Каин, Янбарис, Тартар в это же время основали деревню Ошья-Тау, а выходцы из деревни Артаул расселились в новых — Варяшбаш и Исхак. Постепенно этот процесс приводил к образованию новых волостей. Возникшая во второй половине XIX в. деревня Новый Кайлык к 1905 г. была уже центром одноименной волости Бирского уезда. К 1906 г. центром Норкинской волости в этом же уезде стала башкирская деревня Сейтяк¹⁸.

Волостные центры отличались от подобных русских поселений только наличием мечетей. Деревня Янгискаин, в которой находилось правление Кармышевской волости Стерлитамакского уезда, в начале XX в. имела хлебозапасный магазин, бакалейные и мануфактурные лавки, водяную мельницу. В волостном центре — деревне Старобалтачево Бирского уезда, кроме русско-башкирской школы, земского училища и медресе, были открыты чайная, бакалейные лавки, красильное заведение, по субботам здесь проводился базар. В центре Бураевской волости в декабре проводили даже ярмарку, а в конце XIX в. там уже функционировал книжный магазин¹⁹.

Постановлением Государственного совета 1866 г. власти заявили о намерении распространить основные положения реформы 1861 г. на население Сибири, в том числе на «оседлых» и ведущих оседлый образ жизни «кочевых» «инородцев», что в перспективе означало окончательную ликвидацию их особых «прав состояния», согласно которым, напри-

мер, самоуправление у манси возглавлялось князьями Шекшиными. В 1860-х гг. князем был Степан Шекшин, с 1881 г. его сменил Степан Иванов Шекшин, с 1893 г. — Иван Иванов Шекшин. По административному делению вогулы были «пермскими» и проживающими в Тобольской губернии, хотя перекочевки делали это распределение условным. Например, И.Н. Глушков в 1900 г. упоминал о переселившихся в Верхотурский уезд манси, «приписанных» к Березовскому остяцкому управлению. По сведениям 1869 г. отдельные деревни и села вогулов встречались в Красноуфимском, Кунгурском, Ирбитском и Чердынском уездах, а компактно они проживали в Сосвинской, Низтуринской, Лозвинской, Лялинской волостях Верхотурского уезда Пермской губернии. В Зауралье вогулы были расселены в Туринском округе Тобольской губернии²⁰. В отличие от русских, их селения были малолюдными, не превышая обычно несколько десятков человек. Юрты Тонковичевы в Верхотурском уезде в конце 1860-х гг. насчитывали 11 поселенцев, Усманковы — 15. Исключение составляли деревни Лапаева Лялинской волости (244 человека), Андреяנקова Лозвинской волости (193 человека), Копылова (142 человека) и Тараканковы Юрты (93 человека) Сосвинской волости. Материалы 1897 г. по сибирским вогулам свидетельствуют, что повышение людности поселений свидетельствовало об явных признаках обрусения. Структура расселения паулями предполагала малолюдность и малодворность инородческих волостей и управ Туринского округа Тобольской губернии. В населенных пунктах вогулов насчитывалось от 1 до 19 дворов, а среднее их число по разным волостям колебалось от 3 до 6,5. Отличия наблюдались только в тех волостях, которые, по мнению С. Патканова, «окончательно обрусели», и к «инородческим» они относились «на основании сословия» (Кошукская и Верхне- и Нижнетабаринские). По людности и числу дворов они занимали промежуточное положение между типичной вогульской и русской волостями округа. В Нижнетабаринской разброс показателя составлял от 6 до 19 дворов, в Верхнетабаринской поднимался до 8–47 дворов, а в Кошукской был самым высоким — 14–48 дворов, составляя в среднем 14 – 22,4 двора в населенном пункте²¹.

Положение об инородцах 1892 г. стало завершением развития особого законодательства о северных народах Урала накануне его полного пересмотра. «Все вообще оседлые инородцы» уравнивались с «россиянами» в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступали, и управлялись «на основании общих узаконений и учреждений» (по «порядку волостному или городскому»). Кочевые остались «особенным сословием», приравненным к крестьянскому, «но отличным от него в образе управления», которое делилось на частное — по каждому роду (родовое) и общее — по «родам соединенным» (в форме инородной управы).

Последней «во всем» подчинялись родовые управления. «Без собственного их желания» (даже с «умножением хлебопашества») кочевых инородцев нельзя было включить в другое сословие или «обратить против их воли в сословие сельских обывателей». Порядок «частного перечисления» из одного рода в другой напоминал обычные межобщинные переходы. Это проводилось ввиду «просьб инородцев, по увольнительным и приемным свидетельствам, но не иначе, как в составе целых семейств», если на них не было недоимок и они не имели претензий на земли, «которыми владели в оставляемом роде». А принимающая сторона давала подписку о том, что она имеет землю «для наделения принимаемого»²².

В начале XX в. правительство взяло курс на полную унификацию положения инородческого населения. К этому времени самоуправление ясачных вогул перестало соответствовать «действительному быту и условиям их существования». Еще в 1887 г. Н.И. Кузнецов писал, что жители восточного склона Урала называли вогулами кочевых представителей этого народа, а оседлых, проживавших до деревни Першиной, расположенной при впадении реки Ивдель в Лозьву, именовали ясачными. Подобное выделение было основано на том, что обрусевшие вогулы, живущие деревнями, пользовались «некоторыми важными привилегиями, например, свободой от рекрутских повинностей, от подушных податей», благодаря чему находились «большой частью в цветущем состоянии». «Все здешние вогулы, — сообщал в 1873 г. о населении Верхотурского уезда А.П. Орлов, — приписаны к своим особенным волостям, русских крестьян, приписанных к их волостям нет, точно так же как в русских деревнях нет вогулов». Такое «строгое разделение», по его мнению, носило искусственный характер, поскольку «коренилось не в отчуждении... а в поземельном наделе, экономическом устройстве, разности гражданских прав и обязанностей тех и других». «Вогулы, — отмечал он, — здесь издавна наделены изобильно землями, льготой от рекрутских и земских повинностей. Переход к ним русским был не позволен, а им не было расчета переходить в число государственных крестьян».

Данные переписи 1897 г. по Туринскому округу Тобольской губернии свидетельствуют уже о глубине процессов смешения населения: на уровне «инородческих» управ и волостей не было ни одной чисто вогульской. Мансийское население проживало здесь в семи инородческих управах, четырех инородческих волостях и в пяти обычных волостях. Независимо от вида административных единиц удельный вес русских в общей численности населения был выше, чем представительство вогул. Если на уровне инородческих образований разница была не столь велика (например, в Большекондинской управе соотношение между вогульским и русским населением составляло 602 к 697), то в «обычных» счет рус-

ским жителям шел на тысячи, а мансийским — на десятки, а среди населения Слободо-Туринской волости проживал только один вогул.

В первую очередь нововведения коснулись жителей Пермской губернии, поскольку северные вогулы были «более кочевыми», и правительство опасалось, что они «едва ли усвоят общее положение о крестьянах», введение которого вызовет только «увеличение поборов». Начало перечислению кочевых «инородцев» Tobольской губернии в оседлые было положено в 1909 г. По мнению губернатора Д.Ф. Гагмана, уже не было «оснований к обереганию кочевников от более культурных форм устройства управления и суда», поскольку они «под влиянием соседства русских поселений окончательно осели, живут деревнями и занимаются сельскохозяйственными промыслами». Чтобы «упорядочить» управление «инородцев», им предлагалось также провести «более целесообразное распределение» их селений по волостям. Существующий «состав инородных волостей», по его наблюдениям, «утратил всякий смысл», поскольку группы инородцев проживали и пользовались землей в селениях, нередко удаленных друг от друга, а некоторые селения были причислены одновременно к разным волостям, что «делает почти невозможным собрание мирских сходов, не позволяет должностным лицам... исполнять их служебные обязанности... вредно отзываясь на экономическом положении инородцев, увеличивая расходы на содержание волостных управлений... и препятствуя достижению хотя приблизительной уравнительности в раскладах... подати и натуральных повинностей». Решение по мансийскому населению Туринского уезда губернии было принято в 1910 г. и заключалось в присоединении Сосьвинской волости к Тахтанской и оставлении в прежнем виде остальных пяти волостей²³.

Принимая унифицированное государственное деление на волость и сельское общество, инородческие общины развивались по своим внутренним законам. Так, в самоуправлении марийцев превалировали черты приходской организации. Термином «дины» или «меры», по словам П. Ерусланова, обозначался союз нескольких деревень, а вместе с тем и «насылов» для общественных жертвоприношений. Между деревнями, составлявшими «дин», существовали родственные связи. «Так, в Чураевский “дин”, писал П. Ерусланов, — входят деревни, основанные выходцами из Чураевой, в Кашеевский — выходцами из Кашеевой и прочее. Чуждым родам, вступившим в деревенскую общину, необходимо было иметь своего кереметя, так как иначе они, как лишенные родового покровителя, хранителя и ходатая, всеми презирались и среди черемис считались людьми низкими, недостойными принимать то или иное участие в общественном собрании и праздниках». Однако религиозный «флер» не заслонял от марийской общины другие функции самоуправления. «Сборные пункты, — отмечал П. Ерусланов далее, — были не только местами

общественных молений, но служили и политическими центрами, куда каждая деревня посылала своих влиятельных представителей». Практически без изменений данная организация просуществовала до конца пореформенного периода. Так, в 1912 г. миссионер Пермской губернии писал, что «все языческие селения Красноуфимского уезда распределены как бы по приходам, центром которых являются излюбленные с глубокой старины почитаемые места для жертвоприношений... Таких «кусо» в Красноуфимском уезде 7: Карзинское, Ювинское, Больше-Тавринское, Тляковское, Янгильдинское Васькинское), Артемейковское и Верхне-Потамское»²⁴.

Для развития вогульской народности, которой издавна было свойственно дисперсное расселение и которая в пореформенный период оказалась в иноэтничном окружении, вопросы самоуправления оказались чрезвычайно актуальными. По мнению З.П. Соколовой, «соседный образ жизни в изолированных речных бассейнах способствовал аморфности форм социальной организации». Возникновение сельской общины-пауля, по словам И.Н. Гемуева, было явлением позднего времени. Традиционное поселенческое сообщество в форме патронимии (группы родственных семей), которое объединяли общие фамилия, территория, угоды, кладбище, самоуправление, коллективное производство, хозяйственная взаимопомощь, положило начало паулю в том виде, в котором он зафиксирован исследователями XIX — начала XX в. посредством естественного внедрения туда «посторонних» семейных коллективов. Помимо поселенческо-территориальных формирований, манси объединялись в различные сообщества по совместному ведению хозяйства и потреблению, ритуально-культурным связям. Оставаясь нерегламентированными, они складывались в зависимости от конкретной ситуации на личностно-групповом уровне²⁵.

Наряду с сохранением архаичных черт в инородческих общинах наблюдался переход от сложных самоуправляемых общностей к более простым. Процесс сегментации традиционных образований, например, у народов севера Урала воспринимался современниками как «естественное разрушение родового строя». Удмуртская община («бускель», в переводе на русский это слово означает «мир»²⁶) также находилась на этапе интенсивного дробления сельских обществ. Так, крестьяне Такагуртского сельского общества Сарапульского уезда в 1888 г., ходатайствуя о разделе, писали, что селения общества раскиданы между собой более чем на 10 верст, одни из них ближе к Тыловайскому волостному правлению, другие — к Большепургинскому, что среди угодий общества лежат селения, относящиеся к другой волости. Крестьяне Большеучинского сельского общества Малмыжского уезда настаивали на разделе своего общества из-за «неудобств при сборе податей и отправлении общественных

мирских повинностей». Общество села Ляльшур к 1895 г. было поделено на две части — верхнюю и нижнюю. Земельными наделами население пользовалось сообща; подводную повинность исполняло поочередно (понедельно); некоторые религиозные обряды проводились раздельно, дела, касающиеся усадебных мест и приобретения жертвенных животных, решались на отдельных сходах, составленных из своих частей²⁷.

Исследователи общины народов Урала пишут о сближении путей ее развития в пореформенный период, при котором целенаправленные действия властей по унификации местного самоуправления накладывались на естественный процесс сближения общностей, связанный с проникновением в их состав иноэтничных членов. Частью процесса обрусения коми-пермяков, манси, мордвы и других народов Урала стало перенимание опыта русского общинного самоуправления непосредственно от его носителей. В результате «оскудения» Вятского края в конце XIX в. его жители «хлынули к вотякам массами», благодаря чему на ее территории не осталось ни одной чисто удмуртской волости. Однако большее развитие полиэтничность получила на уровне сельского общества. По данным 1893 г. из 137 сельских обществ Глазовского уезда 84 были русско-удмуртскими, 7 удмурто-русско-бесермянско-татарскими, 5 удмурто-русско-бесермянскими, 4 удмурто-татарскими, 3 удмурто-русско-татарскими, 3 удмурто-русско-пермяцкими. В Сарапульском уезде в это время насчитывалось 109 смешанных удмурто-русских сельских обществ. «В настоящее время, — отмечал Г.Е. Верещагин, — в вотских селениях везде видим русских». Удмурты даже научились извлекать из этой вынужденной меры определенный экономический эффект, следя за тем, чтобы пришлые не подсеялись «даром». По наблюдениям Г. Верещагина, существовало два пути инкорпорации русских крестьян в вотскую общину. Наделы выбывших на время общинников отдавали русским, которых «можно было найти всегда». И постепенно эти лица получали права членов общины. Причислялись русские и по приемным приговорам примерно следующего содержания: «что на такие-то умершие души желают перечислиться новожила, что хотя новожила и перечислятся окладом податей, но будут пользоваться только теми наделами, какие причитаются на умершие души, что, наконец, до новой ревизии дополнительного надела на причисленные души новожила требовать не будут». Документ отправляли в казенную палату, откуда приходила бумага о формальном причислении новожилов²⁸.

Аналогичные процессы происходили на севере Урала. Власти Туринского округа Тобольской губернии уже в конце XIX в. сочли возможным причислить вогулов к русским волостям. В Положении об инородцах 1892 г. этот принцип был законодательно закреплён как на уровне волостного, так и на уровне сельского общества: «...ежели селения инородцев

не могут составить особенной волости, то они принадлежат к ближайшей русской»; «...равномерно и рассеянные между россиянами инородцы, ежели не могут составить особенного из себя селения, причисляются к русским деревням». В 1909 г. тобольский губернатор заявил, что в подобных «смешанных» общностях существует типично общероссийская практика местного самоуправления. В отношении оседлых вогулов двух Табаринских, Куртумовских и Кошукской волостей губернское управление в это время «не нашло оснований» для обособления «инородцев» от русского населения²⁹.

В последнее время стали писать о тюркском влиянии на самоуправление нерусских народов края в процессе их ассимиляции башкирами и татарами. В Оренбуржье, например, это было связано с освоением его территории представителями разных национальностей. Мордва здесь селилась совместно с русскими, татарами, чувашами, калмыками. По данным 1866 г. к русско-мордовским поселениям относились села Бакалка и Гавриловка Оренбургского уезда, село Ильинское Орского уезда, к мордовско-татарским — село Желтое (нынешний Саракташский район Оренбургской области), где мордва проживала совместно с татарами. В начале XX в. чувашско-мордовской деревней была Васильевка (нынешнего Абдулинского района)³⁰.

Проще в самоуправляющуюся общность было объединяться представителям одной конфессии. Во второй Усерганской волости Орского уезда существовала башкирско-татарская деревня Зиянчурина, пришлый элемент которой составляли татары, записавшиеся во время проведения десятой ревизии «в башкиры» и пользовавшиеся наделами земли наравне с ними³¹. Однако различия по религиозному признаку могли не приниматься в расчет. По данным 1901 г. в селе Зиргане Стерлитамакского уезда проживало 1 120 русских, 1 465 мордовцев, 560 чуваш, 1 065 «татар-магометан». При этом татары составляли с прочими одно сельское общество и имели общее сельское управление, хотя жили «отдельной слободой» и религиозные потребности отправляли отдельно³².

Полиэтничность на уровне волости и сельского общества отражала разные этапы процесса разрушения замкнутости общины. Если первый вариант получил в пореформенное время широкое распространение и стал для жителей почти привычным, объединяя их административно и оставляя им возможности для реализации собственных традиций в рамках своего поселения, то второй наткнулся на упорную «вражду племен», которая в условиях края нашла особо яркое выражение в процессах неприятия русских и размежевании тептярско-мишарского населения от башкир.

Удмурты «не хотели и слышать» о «принятии в свою среду русских», реагируя на вторжение чужаков основанием новых поселений. Когда к

крестьянам деревни Старые Узи Малмыжского уезда стали подселаться русские, они «все выехали и образовали деревню Бабашур». А вотяки из села Узей — починок Выселок³³. Еще болезненнее воспринимались подобные нововведения на севере Урала, поскольку традиции общественной жизни, нравы, обычаи и экономическое положение народов этого района имели мало общего с русскими, которые «относились к инородцам враждебно». Поэтому «инородческие» сходы Тобольской губернии в конце 1880-х гг. также не выразили желания присоединиться к русским волостям, опасаясь того, что в процессе объединения произойдет не только ограничение традиционного землепользования, но и его сокращение, поскольку члены «смежного» образования будут иметь равные права на угоды³⁴. В некоторых случаях неприятие самими русскими «инородцев» заходило столь далеко, что их не привлекало даже наделение за чужой счет земель. Показателен разговор Н.Г. Гарина-Михайловского с русскими переселенцами, опубликованный им в путевых очерках 1898 г.: «А вот я слышал, — говорю я, — что у башкир землю отберут и из вас и башкир одну общину сделают. Лица крестьян мгновенно вытягиваются и перестают сиять. — Бог с ней и с землей тогда: уйдем... От своих ушли, а уж на башкир еще не заставят работать... — Но ведь башкиры тоже люди... — Ах, господин хороший, а мы кто? Довольно ведь мы и на барина и на нашу бедноту поработали, — пора и честь знать»³⁵.

Юридически общины припущенников образовались в основном в пореформенное время при размежевании башкирских дач. Большинство из них состояло из жителей одной деревни. В начале 1870-х гг. из трех коренных деревень башкир-каршинцев (Нижне-, Верхнее- и Среднеакбашевой) выделились все тептяри и мишари, основав Новоакбашево. Тептяри башкирской деревни Акбулатово Бирского уезда в начале XX в. также обосновались в собственном поселении Новоакбулатово. В деревнях Кармаскалинской волости Уфимского уезда наблюдалось раздельное проживание башкир в Старомусино, тептярей в Мусино и тептярей с мишарями в Маломусино. В Бирском уезде из учтенных в 1897 г. 314 припущеннических общин 298 являлись простыми и 14 — составными. На каждую составную общину в среднем приходилось 2,8 селения. В деревнях, где припущенники жили совместно с вотчинниками, существовали по две самостоятельные общины. При широком распространении в Западной Башкирии института припуска жилая зона, кладбища и наделы припущенников тем не менее были обособлены. В деревне Иштугаловой Стерлитамакского уезда башкиры, татары и русские в начале XX в. жили тремя общинами, между которыми были поделены леса и пастбища³⁶.

В случае отстаивания инородческой общиной своей самобытности ей охотно помогало православное духовенство. Крещенными инородцами-чуваши деревни Бызлык-Васильевой Белебеевского уезда в 1884 г.

Уфимскому епархиальному начальству был подан общественный «приговор», в котором говорилось, что «мещане, уклонившиеся в магометанство, берут от нас дочерей наших за своих сыновей и своих дочерей выдают замуж за наших сыновей и чрез то сыновей наших и дочерей увлекают в магометанство, а потому просим удалить их из нашего селения»³⁷.

Процесс дробления сельских обществ и постоянное «уточнение» границ волостей в пореформенный период свидетельствовали о том, что двухъярусная структура сельского самоуправления была не просто навязана сверху как шаг к формализации общины, а соответствовала объективным интересам крестьян — как жителей одного населенного пункта (сельское общество), так и нескольких, тяготеющих к друг другу (волость). Благодаря ему община, не теряя своей самодостаточности, оказалась вписанной в более общие структуры.

В заключение, сопоставляя пореформенное развитие русской и инородческих общин Урала, хотелось бы согласиться с выводами последнего обобщающего труда по самоуправлению края: «Общественная организация у этих народов, как и у русских крестьян, основывалась на социальных связях. Вместе с тем нерусским общинам в этот период предоставлялась большая автономия и свобода действий, чем русским крестьянским»³⁸.

---

¹ Статистика Российской империи. Т. 39. Мирские доходы и расходы за 1892–94 годы в 50 губерниях Европейской России. СПб., 1897. С. 8–9.

² ГАСО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 67. Л. 13.

³ Волгин А. Село Ново-Симбирское Орского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 26–27. С. 370.

⁴ Расчеты сделаны автором по: Статистика Российской империи Т. 39. С. 8–9; Статистика Российской империи. Т. 16. Волости и гмины 1890 года, XXVIII. Оренбургская губерния. СПб, 1890.

⁵ Смирнов Б. Село Павловка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1896. № 9. С. 268; Невский И. Село Слоновка Оренбургского уезда // Там же. 1898. № 17. С. 661.

⁶ ГАСО. Ф. 670. Оп. 1. Д. 67. Л. 52–52об., 69об.

⁷ Тронин П. Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 215.

⁸ Невский И. Село Сенцовка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. № 12. С. 478.

⁹ Смирнов Б. Село Павловка Оренбургского уезда // Там же. 1896. № 9. С. 269–270.

¹⁰ Чернавский Н. Село Воздвиженское Оренбургского уезда // Там же. 1897. № 22. С. 844.

- ¹¹ *Чижев П.* Приход Михаило-Архангельской церкви села Гнездовки Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. № 14. С. 554–555, 589.
- ¹² *Бобылев Д.* Потребительные общества Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1905. № 4. Отд. 3. С. 51.
- ¹³ *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С.384; *Он же.* Народные при- словья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко- литературный очерк) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре, 1901–1913. М., 1994. С. 83.
- ¹⁴ *Покровский В.* Село Саратовка // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С. 335.
- ¹⁵ Полное собрание законов. Т. 38. № 39622; Т. 40. № 42282; *Филоненко В.* Башкиры // Вест- ник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 301–302.
- ¹⁶ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992. С. 145; *Кузеев Р.Г., Моисеева Н.Н., Бабенко В.Я.* Этнические процессы в Новое и Новейшее время // Этниче- ские процессы в Башкирии в Новое и Новейшее время. Уфа. 1987. С. 40–41, 53; *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 3. Уфа, 1993. С. 56; Кн. 5. Уфа, 1994. С. 6.
- ¹⁷ *Асфандияров А.З.* История сел и деревень... Кн. 3. С. 76, 202; Кн. 5. С. 55.
- ¹⁸ Там же. Кн.3. С. 22, 28, 36, 132, 139, 168–169, 173–175; Кн. 5. С. 70.
- ¹⁹ Там же. Кн. 3. С. 32–33, 122; Кн. 5. С. 139.
- ²⁰ *Павловский В.* Вогулы. Казань, 1907. С. 54; *Глушков И.Н.* Чердынские вогулы // Этногра- фическое обозрение. 1900. № 2. Кн. 14. С. 26; *Малиев Н.* Отчет о вогульской экспедиции // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1872. Т. 3, № 2. С. 25–26.
- ²¹ *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сиби- ри, язык и роды инородцев // Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2.. С. 78–85, 128.
- ²² Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века). Тюмень. 1999. С. 152–153, 156.
- ²³ Там же. С. 195–197; См. также: *Орлов А.П.* Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1873. Май–июнь. С. 460; *Кузнецов Н.И.* Природа и жители восточного склона Урала // Известия Русского географического общества. 1887. Т. 23, вып. 6. С. 739; *Малиев Н.* Отчет о вогульской экспедиции. С. 13; *Павловский В.* Вогулы. С. 60; *Патканов С.* Статистические данные... С. 78–79; *Конева А.Ю.* Админи- стративные реформы у аборигенов Тобольского Севера на рубеже XIX–XX вв. // Тоболь- ский исторический сборник. Вып.1. Тобольск, 1994. С. 51.
- ²⁴ *Ерусланов П.* Очерк быта и предания восточных черемис // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 4. Оренбург, 1894. С. 6, 8; На стыке континентов и судеб: Этнокультурные связи народов Урала в памятни- ках фольклора и исторических документах. Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 218.

- ²⁵ Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983. С. 59, 120; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. С. 220.
- ²⁶ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка, 1895. С. 93.
- ²⁷ Там же. С. 88–89; см. также: Никитина Г.А. Сельская община — бускель — в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск, 1993. С. 21–22.
- ²⁸ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 82–84; Никитина Г.А. Сельская община — бускель... С. 25–26.
- ²⁹ Сословно-правовое положение... С. 30–31, 155, 197; Конев А.Ю. Административные реформы у аборигенов... С. 51.
- ³⁰ Федосова Н.В. Этническая история и культура оренбургских чувашей // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 82.
- ³¹ Башиева М. Деревня Зиянчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 7. Оренбург, 1895. С. 6.
- ³² Красносельцев В. Чувашская церковно-приходская школа в с. Зиргане Стерлитамакского уезда // Уфимские епархиальные ведомости. 1901. № 4. С. 216.
- ³³ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков... С. 82–84; Никитина Г.А. Сельская община — бускель... С. 26.
- ³⁴ Сословно-правовое положение... С. 30; Конев А.Ю. Административные реформы у аборигенов... С. 57–58.
- ³⁵ Гарин-Михайловский Н. Г. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Башкирия в русской литературе. Т. 3. С. 268.
- ³⁶ Асфандияров А.З. История сел и деревень... Кн. 3. С. 76, Кн. 5. С. 33, Кн. 6. С. 32. Уфа. 1995; Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период, 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 178; Бикбулатов Н.В. Община башкирская // Башкортостан: Краткая энциклопедия. С. 444.
- ³⁷ Извлечение из отчета Преосвященного Дионисия, епископа Уфимского и Мензелинского о состоянии Уфимской епархии за 1884 год // Уфимские епархиальные ведомости. 1886. № 4. С. 111.
- ³⁸ Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XIX века. М., 2003. С. 378.